

«УТВЕРЖДАЮ»

Первый проректор

ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»

доктор экономических наук, доцент

В.А. Дзедик

« 03 » 03 2021 г.

О Т З Ы В

ведущей организации – федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет» – о диссертации Завьяловой Оксаны Олеговны «Общественность в России: поиск форм взаимодействия с властью в 1850-е – начале 1860-х годов», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Актуальность и научная значимость избранной О.О. Завьяловой темы исследования не вызывает сомнений. «Великие реформы», поставленные в историческую «повестку дня» самим ходом политического и социально-экономического развития страны, сложными внешнеполитическими обстоятельствами, в которых Россия оказалась в период и после окончания Крымской войны, не могли стать реальностью без активного участия в их подготовке и проведении общества.

Объемное и содержательное введение диссертации включает все необходимые элементы, определенные «Положением о совете по защите диссертаций...». Остановимся на отдельных частях введения, памятуя о том, что кандидатская диссертация – это научно-квалификационная работа, требующая от автора соблюдения некоторых обязательных формальностей.

Соглашаясь в целом с аргументами О.О. Завьяловой в пользу научной и политической актуальности темы, с определением тех проблем, которые предстоит разрешить в ходе исследования, мы бы предложили усилить, или даже обострить, саму постановку научной проблемы. А была ли власть готова и способна к сотрудничеству с обществом в деле подготовки и проведения реформ, прислушиваться к голосу общества, следовать его рекомендациям? А было ли общество, в свою очередь, готово и способно (в организационном, интеллектуальном и т.д. отношении) участвовать в обсуждении и разрешении важнейших, злободневных государственных проблем, сотрудничать с властью, если надо, – терпеливо убеждать ее в своей правоте? Эти вопросы представляются отнюдь не праздными, если учесть, что в долгое тридцатилетнее правление Николая I власть и общество значительно отделились друг от друга, власть как-то привыкла обходиться без содействия общества, а общество не имело практики эффективного сотрудничества с властными институтами на общее благо.

Формулировка объекта исследования не вызывала бы, пожалуй, особых возражений, если бы не была определена так широко: «публичная сфера в России середины – второй половины XIX века как пространство взаимодействия власти и общества» (с. 4). Собственно публичная сфера, как она дана в формулировке объекта исследования, появляется на страницах диссертации только во второй главе, да и то не в полном объеме. Исходя из названия работы, объектом выступает, скорее, процесс взаимодействия (или само взаимодействие) общества и власти, а предметом – формы этого взаимодействия.

О.О. Завьялова сознательно отказывается от хронологического принципа в анализе историографии в пользу проблемно-хронологического, выделяя несколько групп исследований по объектам их изучения. Наверное, такой подход можно признать оправданным, учитывая разноплановость и разноуровневость проблематики диссертации.

Историографический раздел получился весьма насыщенным в содержательном отношении, хотя, по признанию автора, в диссертации представлен «далеко не полный историографический обзор отечественной и зарубежной историографии» (с. 26). Ей удалось выдержать если не проблемно-хронологический, то проблемный принцип в характеристике четырех групп исследований: это работы общего характера, а также исследования, отражающие особенности взаимоотношений власти и образованного общества; работы, посвященные истории общественного движения и формирования основных направлений русской общественной мысли XIX века; работы, касающиеся проблемы отношения русского образованного общества к Крымской войне; наконец, работы, посвященные деятельности салонов и кружков. Широкий круг исследований, привлеченных автором для анализа, позволил достаточно полно представить степень изученности темы, выявить ее лакуны, определить перспективы, обусловленные, в том числе, и недостаточностью прежней теоретико-методологической базы (с. 27-28), подойти к формулировке цели и задач собственной работы.

В то же время обилие историографического материала предопределило известную избирательность при анализе тех или иных историографических достижений, некоторые недоговоренности, отдельные неточности. Так, в круг дореволюционных историков попал В.В. Леонтович, автор «Истории либерализма в России» (с. 8-9). Из контекста можно предположить, пожалуй, что В.Г. Чернуха принадлежала к научной школе П.А. Зайончковского (с. 11).

Констатируя различные положения, присутствующие в историографии, автор не всегда формулирует свое отношение к ним. В частности, она отмечает, что в советской историографии «в целом закрепилось представление о либералах как о том слое русского образованного общества, который из-за страха перед революцией и народным бунтом идет на компромисс с властью» (с. 11). А насколько адекватным было это представление?

Похоже, О.О. Завьялова скептически относится к типологии русской общественной мысли XIX века, сложившейся в советской литературе. Ее деление на три группы, консервативную, либеральную, революционно-

демократическую, она считает «однозначным» и «по своей сути искусственным», не дающим возможности «создать общую картину напряженной и насыщенной жизни русского образованного общества второй половины 50-х – начала 60-х годов XIX века, а также выделить особенности его взаимоотношений с представителями властной элиты» (с. 12). К сожалению, никаких пояснений к этому утверждению нет, как нет и альтернативы подвергнутой критике типологии. Впрочем, в одном с автором можно согласиться: термин «революционно-демократическая» не совсем удачен; точнее было бы сказать «социалистическая».

Автор останавливается на концепции славянофильства Н.И. Цимбаева, согласно которой оно являлось одним из направлений раннего русского либерализма (с. 10). Но справедливости ради следует все же указать и на другой подход к определению природы славянофильского учения. Так, по мнению В.А. Китаева (давнего оппонента Н.И. Цимбаева), «славянофильство зарождалось как консервативная утопия и закончило свое существование в публицистике И.С. Аксакова первой половины 80-х гг. как одно из течений пореформенного консерватизма» (Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008. С. 337-338).

Формулировка цели работы – «раскрыть **особенности** взаимодействия власти и общественности в России...» (с. 27) – несколько диссонирует с ее названием: «... поиск **форм** взаимодействия с властью...» (в обоих случаях выделено нами. – *О.К.*). Учитывая стремление автора выйти, хронологически и тематически, за рамки, обозначенные в названии работы (стремление, которое можно только приветствовать, о чем мы скажем ниже), в формулировке цели напрашивается более масштабное обобщение, например: значение взаимодействия общественности и власти для подготовки и проведения реформ 1860–1870-х годов.

Принимая уточнение автора к кругу сформулированных задач, заметим, однако, спорность утверждения, что Редакционные комиссии являлись общественной организацией (с. 28).

Трудно не согласиться с О.О. Завьяловой в том, что диссертационная база ее исследования достаточно репрезентативна, включает как опубликованные, так и архивные материалы, и позволяет в полной мере раскрыть все аспекты изучаемой темы. Все это обеспечивает основательную фундированность положений и выводов диссертации. Источники в работе представлены несколькими видами: законодательно-актовые материалы, делопроизводственная документация, публицистика, источники личного происхождения.

При таком обилии материала не всегда, к сожалению, удается избежать неточностей в определении видовой принадлежности отдельных источников. Так, в первую группу автор включила «официальные документы Российской империи – законодательные и другие нормативные акты...» (с. 28). К ним отнесены, среди других, «официальные ежегодные отчеты III отделения», отчет министра народного просвещения за 1855 год (см. там же). Названные документы являются делопроизводственной документацией и должны были оказаться во второй группе источников (по классификации автора диссертации).

Источники, выделенные в четвертую группу («творческое наследие представителей русской общественной мысли середины XIX века), представлены в основном политической публицистикой, и было бы логично включить их в третью группу (публицистические источники – опять же по авторской классификации).

Принципиальное значение для данной работы имеет теоретико-методологическое обоснование. Одним из ключевых в этом блоке является определение общественности как базового понятия в диссертации. Для автора общественность в России в изучаемый период «состояла из так называемой прогрессивной части русского образованного общества, охваченной процессом самоидентификации, результатом которой становится противопоставление себя, с одной стороны, аристократическому (придворному) обществу, а с другой – носителям властных прерогатив. У данной категории людей формировались новые качества – гражданственность и интеллектуализм, в их среде распространялись передовые ценности и идеи, направленные на преобразование, улучшение существующей действительности. Составляющие ее субъекты социального действия присваивали себе право “говорить от имени всей России” и ее народа» (с. 38); это образованные люди, «которые в независимости от своей сословной и профессиональной принадлежности посвятили свою деятельность служению общественному делу» (с. 38-39).

Коль скоро речь идет о ключевом для диссертации понятии и его применимости в конкретных исторических условиях, хотелось бы несколько большей определенности, если угодно, привязки к этой исторической конкретике. Что (или кого) автор понимает под прогрессивной частью русского образованного общества (используемая автором оговорка «так называемой» придает определению еще большую размытость, неопределенность)? Какие передовые ценности и идеи распространялись в этой среде, о каком улучшении существующей действительности идет речь? И подошел бы, скажем, под это определение Н.М. Карамзин?

Хотелось бы увидеть в вводной части диссертации **обоснование** композиции работы, а не только указание на наличие введения, двух глав, заключения и списка источников и литературы (с. 42). Структура работы и без того видна из оглавления.

В первой главе автор раскрывает общественно-политическую ситуацию в стране накануне «Великих реформ» через анализ процесса формирования общественности в России как социокультурного феномена, осмысление влияния Крымской войны на общественные умонастроения, наконец, через оценку современниками положения дел на рубеже 1850–1860-х годов.

Успешно применяя историко-генетический и историко-системный методы, автор точно вписывает исследуемые процессы и явления в общеисторический контекст, выявляя их этапы, многочисленные причинно-следственные связи. Все это оправданно потребовало расширения хронологических рамок.

Так, исследование процесса формирования общественности как социокультурного явления заставило автора обратиться к реалиям второй половины XVIII – первой четверти XIX века, когда названный процесс только начался под влиянием идей европейского Просвещения. Хорошо показано, что этот процесс не смогли остановить ни жесткие цензурные стеснения, ни стремление властей подавить любые проявления свободомыслия в царствование Николая I.

Для понимания роли Крымской войны в изменении умонастроений общества автор ставит более общую проблему: война как фактор внутреннего развития и стимулирования общественного сознания. Для его разрешения она обращается, и не бесполезно, к опыту войн, которые Россия вела в XVIII – первой половине XIX века. Отсюда не случайно упоминание (перед Крымской войной) Северной войны, Отечественной войны 1812 года, русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Все это позволяет ей, опираясь на большой исторический материал, лучше, точнее осмыслить и феномен самой Крымской войны, влияние которой на все сферы русской жизни поистине трудно переоценить.

Обращает на себя внимание еще один немаловажный момент. Под исследуемый материал О.О. Завьялова неизменно подводит теоретическую базу философского, социологического, политологического плана. Это придает работе междисциплинарный характер, что имеет большое значение сегодня, когда трудно, а порой и невозможно избежать взаимопроникновения наук и научных дисциплин. В то же время появляется несколько иной, отличный от привычного, ракурс рассмотрения, казалось бы, давно знакомых исторических событий. А это, в свою очередь, позволяет приходиться к принципиальным выводам. К числу таковых мы бы отнесли, в частности, вывод о высокой степени мобилизации русского общества в годы Крымской войны, выразившейся прежде всего в патриотическом подъеме, которая сохранилась и в период подготовки крестьянской реформы и стала одним из ресурсов модернизационного процесса царствования Александра II (с. 115).

На какие еще моменты, общие и частные, хотелось бы обратить внимание, говоря о первой главе? Какие вопросы, может быть, задать автору?

В перечне войн, упомянутых автором во втором параграфе и имевших большой общественный резонанс, отсутствует Кавказская война. Почему? Ведь она была самой продолжительной из войн, которые Россия вела в XIX столетии. Через Кавказ прошло очень много ярких фигур, видных государственных и общественных деятелей.

Размышляя о значении Крымской войны как столкновении различных цивилизаций, автор отмечает, что «этом отношении поражение в Крымской войне во многом ускорило восприятие Россией достижений западной цивилизации. Это предопределило иноцивилизационный вектор модернизации страны в последующее царствование, новый этап которой был обусловлен моральным потрясением, вызванным поражением в общеевропейском конфликте» (с. 114). Но тогда из этой системы координат придется исключить часть общественности, представленную славянофилами, которых так обиль-

но цитирует О.О. Завьялова? Не подлежит сомнению принципиально антибуржуазный, антизападный характер историософии славянофилов. И даже относительный либерализм практической программы славянофилов на рубеже 50-60-х гг. был «укутан в требования не отступать от “русских начал”, защитить рождающиеся земские и судебные учреждения от чужеродного западного формализма» (Китаев В.А. Указ соч., с. 338).

Название первой главы оказывается несколько шире ее содержания. Напомним: «Общественно-политическая ситуация в России накануне “Великих реформ”» (с. 43). В связи с такой формулировкой неизбежно возникает вопрос об общественно-политических силах в рассматриваемый период. Что они из себя представляли? Какова была их расстановка, соотношение? И здесь мы выходим на другие, не менее важные вопросы.

В процессе становления общественности в России важнейшее значение имела вторая четверть XIX века. Как известно, в это время происходило, начиная от «Общества любомудрия» и далее, через П.Я. Чаадаева, С.С. Уварова, славянофилов, западников и др., историософское осмысление исторических судеб России и русского народа, накапливался тот интеллектуальный потенциал, с которым образованное русское общество подошло к кануну «Великих реформ». Каким автору диссертации представляется интеллектуальный итог этой историософской рефлексии? Что могла предложить образованная часть русского общества в качестве историософской основы преобразований будущим реформаторам из властных правительственных структур – представителям так называемой либеральной бюрократии? Говоря о складывании общественности, которая представляла собой лишь часть общества, автор ничего не говорит о соотношении этих двух частей. Как на прогрессивную часть общества влияла другая его часть, непрогрессивная? Существует, вероятно, и проблема неоднородности того социокультурного феномена, который автор определяет как общественность. Эта неоднородность очевидно вела к разному пониманию того, какими должны быть результаты будущих реформ. Об этом тоже следует сказать подводя итоги первой главы. В выводе автора по первой главе мы встречаем упоминание о неких «различных направлениях общественной мысли» и имевшихся у них «альтернативных моделях общественного развития» (с. 145). Но не ясно, что из себя представляли эти модели. И какие направления общественной мысли имеются ввиду, если учесть упомянутое выше критическое отношение автора к традиционному делению ее на консервативную, либеральную и революционно-демократическую?

Для того чтобы оказывать влияние на властные структуры, необходима, видимо, не только интеллектуальная, но и организационная составляющая. Как в этом смысле обстояло дело у общественности к середине 1850-х годов? Насколько она была сплоченной в организационном плане?

Во второй главе диссертации анализируются различные, основные, по определению автора, формы взаимодействия общественности и власти. Скажем сразу: смущают названия параграфов. Из этих названий следует, что существовала только одна форма: публичные мероприятия. Именно так и на-

зван третий параграф: «Публичные мероприятия как форма взаимодействия власти и общественности» (с. 186). Что касается двух других параграфов, то там такой четкости нет. Письма и записки, адресованные власти, определены в названии параграфа как **фактор влияния** на правительство (с. 146), но не как форма взаимодействия с ним. То же видим и в случае с салонами и кружками, которые выступают как **зона** контактов и сотрудничества власти и общественности (с. 170). Все же будем исходить из того, что во всех трех параграфах речь идет о формах взаимодействия.

Проанализировав «письма и записки к власти», автор приходит к выводам, способным обескуражить читателя. В первой главе с воодушевлением и оптимизмом говорилось «о высокой степени интеллектуальной концентрации русского образованного общества» (с. 77), «модернизационном потенциале» и «интеллектуальных ресурсах» общественности (с. 114), «альтернативных моделях общественного развития» (с. 145) и, благодаря в том числе и всему перечисленному, о «необратимости и масштабности готовившихся реформ» (с. 145). Теперь тональность автора изменилась: «... представители русского образованного общества были не готовы возглавить модернизационный процесс в стране, сохраняя эту прерогативу за монархией. Большинство из них довольствовались теми немногочисленными послаблениями, которые были сделаны властью во второй половине 1850-х годов, что отразилось на содержании их обращений к императору и другим государственным деятелям. Несмотря на стремление к обновлению во всех сферах государственной и общественной жизни, охватившее русскую общественность, излагаемые в письмах и записках предложения носили скромный, порой верноподданнический характер и практически не затрагивали основы и тем более не ущемляли прерогативы самодержавной формы правления» (с. 169).

Но в таком случае едва ли вообще стоит заводить речь о модернизации, под которой понимается переход от общества традиционного к обществу либеральному, в котором не может быть места для абсолютной монархии.

Впрочем, приведенный выше вывод автора вступает в противоречие не только с некоторыми ее же утверждениями из первой главы, но и с фрагментом, который следует чуть ниже, на той же странице: «Во второй половине 1850-х годов Россия стояла на пороге нового модернизационного витка, преддверие которого стало временем небывалого общественно-политического подъема в стране, ярко выразившегося в стремлении отечественных интеллектуалов предложить власти собственную модель реформирования страны» (с. 169).

Так с чем мы имеем дело: с предложениями скромного, порой верноподданнического характера или все же с собственной моделью реформирования страны? Если с последним, то хотелось бы получить ответы на вопросы: Что представляла собой эта модель? По направлениям: политика, экономика, социальная сфера, идеология и т.д.? В каких сочинениях и каких отечественных интеллектуалов второй половины 1850-х годов эта модель сконструирована?

В главе хорошо показано, какую роль могли играть и играли в период подготовки реформ салоны и кружки как одна из форм взаимодействия общности и власти. Здесь действительно происходили не только контакты представителей этих двух институтов, но и явственно просматривались перспективы возможного сотрудничества в деле преобразования разных сфер русской жизни. Содержательно, и это тоже хорошо показано в работе, параграф, посвященный анализу деятельности салонов и кружков, близок к предыдущему. Салонные споры и беседы нередко оформлялись в политические записки, призванные подстегнуть неторопливую деятельность власти в вопросах реформ.

Публичные мероприятия, прежде всего обеденные церемонии, освещены весьма подробно. Остается только пояснить, какое значение они имели в плане влияния на власть, взаимоотношений власти и общности, кроме запрета А.С. Хомякову появляться в публичных местах в русской одежде и недовольства отдельных сановников поведением некоторых «обеденных» активистов наподобие известного предпринимателя В.А. Кокорева.

Безусловно, формы взаимодействия общности и власти были неравнозначны по своей эффективности, конечным результатам. Какие из этих форм были, на взгляд автора, наиболее эффективными? Чего, может, не доставало другим?

В заключении подведены общие итоги работы. Содержательно – это тезисное повторение отдельных положений основной части. Поэтому хотелось, чтобы автор вышла на какие-то более широкие и значимые обобщения.

Возвратимся к вопросам, поставленным в начале отзыва. Была ли общность готова к равноправным, партнерским отношениям с властью? Способна ли была общность предложить полноценную программу реформ, которые действительно способствовали бы, с одной стороны, политическому, социально-экономическому, культурному и т.д. прогрессу страны, а с другой – учитывали бы и сохраняли многовековые традиции русской жизни?

Безудержное следование европейским образцам, в том направлении, которое указывал «иноцивилизационный вектор модернизации страны», как назвала его автор диссертации, было делом малоперспективным. Попытки полномасштабной модернизации России, предпринимаемые в течение не одного столетия, потому и не удавались, что весь исторический опыт России сопротивлялся утверждению либеральной западной модели политического и социально-экономического устройства. И так ли уж велик был реформаторский, модернизационный потенциал общности и власти? Почему, на взгляд автора, «Великие реформы» получились половинчатыми, незавершенными?

Во введении, да и в основной части работы не раз говорилось о приверженности автора новым теоретико-методологическим принципам. Как представляется, подобные декларации должны сопровождаться если не убедительной критикой, то хотя бы основательной ревизией прежних методологических парадигм, в рамках которых события рубежа 1850–1860-х годов

именовались не общественным подъемом, а революционной ситуацией, а готовность власти в такие периоды идти на уступки требованиям общества рассматривалась не как следствие социокультурной модернизации, а как неотъемлемый элемент кризиса верхов.

Нельзя обойти молчанием еще один момент, касающийся работы в целом. Очень много «глухих» ссылок на архивные документы. Вот отдельные примеры: ссылки 1,2,4 на с. 136; ссылка 2 на с. 138; ссылка 1 на с. 150; ссылка 1 на с. 151; ссылка 1 на с. 170. Делая такие ссылки, автор лишает читателя представления о том, какой источник цитируется, какова может быть его значимость, информативность.

Список источников и литературы получился достаточно внушительным и отразил источниковую и историографическую базы работы. Правда, здесь тоже остаются вопросы.

«Глухие» ссылки на архивные источники, которые присутствуют в основной части диссертации, так и остались «глухими» в списке архивных источников, скрыв за номерами дел названия конкретных документов, к которым обращалась автор (с. 217-219). В публицистику попали сборник стихотворений П.А. Вяземского (№ 13, с. 222) и стихотворение Ф.Н. Глинки «Ура!» (№ 16, там же), целый том писем Ф.И. Тютчева (№ 39, с. 224). Вряд ли вообще правомерно включать в список источников какого-то конкретного вида не отдельные сочинения, которые привлекаются в диссертационной работе, а многостраничные тома их произведений и писем, как, например, упомянутый том писем Ф.И. Тютчева, тома трудов К.Д. Кавелина, И.В. Киреевского (№ 26 и 28 соответственно, с. 223), А.И. Герцена (№ 14, с. 228).

Требуется, видимо, пояснения, почему в список литературы, а не источников попали, к примеру: «Историческая записка, речи, стихи и отчет Императорского Московского университета, читанные в торжественном собрании 12 января 1855 года, по случаю его столетнего юбилея» (№ 56, с. 237); «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (№ 61, с. 238); статья М.Т. Каченовского в «Вестнике Европы» за 1805 год (№ 65, с. 238); «План государственного преобразования...» М.М. Сперанского (№ 156, с. 247).

Почти любая научная работа, особенно та, в которой поднимаются значимые для науки проблемы, вызывает полемику. В научных спорах должна рождаться научная истина. Замечания, высказанные по диссертации, призваны стимулировать научную дискуссию, которая, без сомнения, является украшением любой защиты. Уверен, что О.О. Завьялова сумеет достойно защитить основные положения своей работы. А ей есть, что защищать.

Как уже говорилось, диссертация отличается несомненной научной актуальностью и новизной. Она имеет солидную апробацию. Основные положения диссертационного исследования отражены в 19 научных публикациях, из них 9 статей опубликованы в журналах, входящих в список изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. Автореферат и опубликованные работы О.О. Завьяловой отражают основное содержание диссертации. Материалы исследования неоднократно докладывались на научных конференциях разного уровня.

Диссертация имеет важное теоретическое значение. Она расширяет, углубляет и конкретизирует сложившиеся в отечественной и зарубежной литературе представления об общественно-политической ситуации в России во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов, об отношениях между обществом и властью, о факторах, определивших особенности подготовки и проведения реформ Александра II. Материала и выводы диссертации могут быть привлечены при подготовке новых обобщающих и монографических исследований по истории России XIX века, истории общественного движения и общественной мысли названного периода, разработке общих и специальных учебных курсов. Исторический опыт взаимодействия общества и власти, нашедший отражение в диссертации, может быть востребован в практической деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, политических и общественных организаций.

Диссертация Завьяловой Оксаны Олеговны «Общественность в России: поиск форм взаимодействия с властью в 1850-е – начале 1860-х годов» представляет собой самостоятельное и завершённое исследование, в котором решается научная задача, имеющая значение для развития исторической науки. Диссертация является научно-квалификационной работой, соответствующей требованиям п. 9-11, 13,14 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24.09.2013 г., № 842. Кафедра отечественной и всеобщей истории, археологии полагает, что Оксана Олеговна Завьялова заслуживает присуждения исковой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв подготовлен кандидатом исторических наук, доцентом, заведующим кафедрой отечественной и всеобщей истории, археологии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет» Кузнецовым Олегом Викторовичем (специальность 07.00.02 – Отечественная история).

Отзыв обсужден и одобрен на заседании кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», протокол № 2 от 26 февраля 2021 г.

Заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории,
археологии ФГАОУ ВО «ВолГУ»

кандидат исторических наук, доцент *О. Кузнецов* Кузнецов Олег Викторович
« 01 » *03* 2021 г.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»
400062 г. Волгоград, Российская Федерация, просп. Университетский, 100
Тел/факс (8442) 46-02-79
E-mail: ob.otdel@volsu.ru
Сайт: <http://www.volsu.ru>

